Александре Невском, подобно «жюру Мануилу», спешившему задобрить Владимира Мономаха дарами, «абы под ним великый князь Володимир Царягорода не взял», Батый, по словам биографа, с особой предупредительностью зовет к себе Александра Невского, чтобы убедиться «в чести его царства». Он оказывает необычную для русских князей честь Александру и дает восторженный отзыв о его красоте и силе.[10] Однако некоторые черты образа Мануила в «Повести об Индийском царстве» не вполне совпадают с чертами Мануила в «Слове о погибели». Если в «Повести» Мануил посылает дары исключительно из чувства уважения и желания узнать величие, силу и чудеса Индийского царства, то в «Слове о погибели» Мануил посылает дары не из простого любопытства, а из опасения перед тем, как бы Владимир Мономах не взял Царьград. Данные русских летописей и византийских хроник не убеждают нас в том, что Владимир Мономах воевал с Византией и угрожал Царьграду,[11] принимал какие-либо подарки от византийских императоров[12] и что Мануил Комнин опасался похода русских на Царьград.[13] Можно предполагать,

---

[10] Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 206.

[11] Лишь однажды в 1116 г. Владимир Мономах вмешался в междоусобную войну на стороне своего зятя, царевича Леона Диогена, против Алексея Комнина. Удержать занятые болгарские города по Дунаю русским не удалось (Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 7—8; см. также: В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки. — ЖМНП, 1875, XI, стр. 303, 311—315). Неясные сведения о вторжении пришельцев из Тавроскифии, половцев или скифов, в придунайские области и во Фракию до Филиппополя сообщают греческие историки Анна Комнин (см.: Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. Алексиада, кн. VI—VIII, XIV. СПб., 1860) и Никита Хониат (см.: там же, История Никиты Хониата. СПб., 1860, стр. 150). Эти события могли быть использованы в дальнейшем составителем Мономаховой легенды (см.: E. de Muralt. Essai de chronographie byzantine 1057—1453. St. Petersbourg, 1871, стр. 114—116; А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 32—33; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 477—478).

[12] В лицевом толстовском списке Никоновской летописи под 6622 г. приведен, как можно предполагать, сокращенный текст из «Сказания о князьях Владимирских». В других списках Никоновской летописи легенды о Мономаховых регалиях не содержится. В них современником Владимира Всеволодовича назван Мануил Комнин (см.: Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. 143—144). В XVII в. в Густынской летописи (ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 290) и в Синопсисе имя Константина Мономаха было заменено именем Алексея Комнина (см.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских, стр. 55—56). Сопоставление Владимира Мономаха то с Константином Мономахом, то с Алексеем, то с Мануилом Комнинами в позднейших летописях XVI—XVII вв. может говорить о том, что летописцы не имели древних записей легенды и пользовались «Сказанием о князьях Владимирских».

[13] Мануил Комнин посылал к киевскому князю Ростиславу Мстиславовичу своего родственника Мануила в 1165 г., «с оксамоты и паволокы и вся узорочья разноличная», с просьбой принять митрополита Иоанна на Русь и оказать военную помощь Византии против Венгрии (Ипатьевская летопись, стр. 92; Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. История Иоанна Киннама, кн. V. СПб., 1859, стр. 257, стр. 260). О посольстве Мануила на Русь см. также следующие работы: А. А. Куник. Основание Трапезундской империи. — Ученые записки имп. Академии наук, 1854, II, стр. 709—711; E. de Muralt. Essai de chronographie byzantine 1057—1453, стр. 186; К. Я. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII веке, Варшава, 1889, стр. 327; F. Clalandon. Jean II Comnène et Manuel I Comnène, II. Paris, 1912, стр. 481, прилож. 5; С. П. Шестаков. Византийский посол на Русь Мануил Комнин. — Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913, стр. 366—381. Мануил Комнин устанавливал дипломатические связи с князьями Владимирко Володарьвичем, Юрием Долгоруким, Андреем Боголюбским, Ярославом Осмомыслом, Ростиславом Мстиславовичем, Всеволодом Большое Гнездо, как можно предполагать, с целью навязать свой сюзеренитет Руси. Похода русских на Царьград ему вряд ли стоило опасаться (см.: G. Vernadsky. Relations byzantino-russes au XII siècle. — Byzantion, IV (1927—1928), Liège, 1929, стр. 272—279; A. A. Vasiliev. Was old Russia a Vassal state of Byzantium? — Speculum, vol. VII, № 3, July, 1932; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений, стр. 490 и сл.).